

О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕЧАТЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

Проблема существования государственной печати в средневековых «республиках» русского северо-запада, кажущаяся простой на первый взгляд, достаточно сложна при внимательном рассмотрении. Очевидно, поэтому в отношении ее не сложилось устойчивой историографической традиции. Сами древнерусские печати до середины прошлого века были изучены сравнительно слабо. Как отмечал В.Л. Янин, «их малочисленность и случайность подбора, определенные случайностью сохранившихся до нашего времени подлинных актов, были непреодолимым препятствием для создания научной классификации булл».¹ С началом планомерных раскопок в Новгороде количество известных булл многократно возросло, но к проблеме собственно государственной печати отечественная историография обращается не так часто. Тем не менее, данная проблема представляет несомненный научный интерес. От ее решения во многом зависит ответ на вопрос о том, как и каким образом, Новгород был представлен как юридическое лицо. Саму же проблему следует сформулировать следующим образом: можно ли говорить, что в Новгороде в период самостоятельности существовала официальная государственная печать, какую категорию булл можно признать таковыми, и с чем было связано ее появление?

Среди новгородских булл существует разряд, самой своей легендой претендующий на статус новгородских государственных. К нему относятся «печать Всего Новгорода», «новгородская печать и посадничью», «печати новгородские» и «печати Великого Новгорода». Большинство исследователей так или иначе считали их официальными печатями Новгорода. Как новгородские городские печати их описывал А.Б. Лакиер.² Н.И. Костомаров, в то же время, уже отмечал их многочисленность, говоря, что «едва ли существовали постоянно одинокие печати для веча».³ Мнение Н.П. Лихачева неоднозначно. В одном месте он называет Печать Великого Новгорода новгородской государственной печатью⁴, а в другом делает вывод, что Новгород не создал государственной устойчивой печати⁵. Н.Г. Порфирьев определенно призывал считать Печати Новгородские и Печати Великого Новгорода государственными печатями новгородской республики⁶. Печать Всего Новгорода названа «новгородской государственной» Л.В. Черепниным⁷. Столь же определенно сперва высказывался и В.Л. Янин.⁸ В его более поздней работе определение данных булл как государственных получило оговорку «по смыслу надписи».⁹ Во втором издании «Новгородских посадников» оценка печатей «новгородских» и «Великого Новгорода» как государственных была оставлена без изменений¹⁰.

Этот сфрагистический разряд еще раз однозначно был назван «общегосударственной печатью новгородской феодальной республики» в работе Е.И. Каменцевой и Н.В. Устюгова.¹¹ Единодушие исследователей в оценке «печатей Великого Новгорода» и родственных им типов в качестве государственных печатей Новгорода нарушает лишь точка зрения А.Л. Хорошкевич, считавшей их не новгородскими государственными печатями, а великокняжескими печатями для Новгорода, «результатом компромисса верховной власти великого князя с городскими властями».¹²

Датировка и атрибуция печатей, не несущих указания на конкретного владельца чрезвычайно затруднена, поэтому в историографии встречаются разные точки зрения.

Так называемые Анонимные печати новгородских архиепископов, то есть буллы, на одной стороне которых помещено изображение Богоматери «Знамение», а на другой – голгофского креста, достаточно распространены как при сохранившихся подлинных актах, так и в виде легко узнаваемых описаний в их копиях. Тем не менее, это редко дает основу для надежных датировок, так как большинство актов с этими печатями частные: купчие, данные, духовные и пр. и часто сами нуждаются в датировке. Лишь три печати привешены к грамотам государственного значения с более или менее надёжной датировкой. Древнейшая из них – грамота Риге от 1303-1307гг.,¹³ позднейшие грамоты датируются 1440-47 и 1448гг.,¹⁴ причём буллы вполне очевидно соответствуют имени архиепископа в интитуляции. Это, с одной стороны, надёжно связывает печати с изображением креста и Богоматери с новгородской владычной администрацией, а, с другой, с большой долей вероятности позволяет считать период с начала XIV до середины XV вв. временем определенного бытования данных булл, хотя начальная и конечная даты их использования остаются неизвестными. В то же время возник вопрос о соотношении именных и анонимных булл в новгородской владычной сфрагистике. Н.П.Лихачев предлагал два возможных решения этой проблемы. Именные или анонимные печати прикладывались: 1) в зависимости от важности акта; 2) в зависимости от личного или заочного участия владыки. Сам исследователь склонялся ко второму варианту, предполагая, что анонимной печатью от имени архиепископа могли пользоваться архиерейские уполномоченные (наместники)¹⁵. С этим, на основании того, что анонимные буллы иногда употреблялись архиепископами лично, не соглашался Н.Г. Порфиридов.¹⁶

К проблеме анонимных владычных булл почти одновременно обратились П.А. Шорин и В.Л. Янин. П.А. Шорин впервые опубликовал свод известных булл этого типа, а также попытался атрибутировать известные ее разновидности конкретным новгородским архиепископам. Древнейшей была признана печать, имеющая на одной стороне вместо изображения креста надпись печать владельца. П.А. Шорин датировал ее 2-ой половиной XIII в. Оставшиеся он делил на три группы по особенностям иконографии изображения креста:

1. Простой восьмиконечный крест на простом или ступенчатом подножии.

2. Крест сложной формы, концы которого имеют точечные или копьевидные завершения.

3. Крест с орудиями страстей и многочисленными титлами.¹⁷

П.А. Шорин определял хронологию данных булл с конца XIII в. до падения новгородской независимости.¹⁸ По вопросу об их атрибуции Шорин вслед за Н.П.Лихачевым предполагал, что они прикладывались от имени владыки какими-то специальными должностными лицами. Высказывается также предположение о зависимости типа владычной печати от характера грамоты, но П.А. Шорин сам отмечает его сомнительность.¹⁹

Свод анонимных владычных печатей, составленный П.А. Шориным, был позднее включен в состав общего свода новгородских печатей, опубликованного В.Л. Яниным. Одновременно была принята и предложенная Шориным классификация булл на четыре разряда по особенностям иконографии изображения креста, а также по размерам.²⁰ Эти четыре разряда, по мнению В.Л.Янина, стоят в хронологической последовательности. Возникнув на рубеже XIII-XIV вв., анонимные владычные печати вошли в широкий обиход лишь при первом архиепископстве Моисея (1326-1330 гг.).²¹ Возникновение данного типа булл Янин связывал с активизацией должности владычного наместника. Наместники изначально представляли особу архиепископа в суде и международных отношениях. С конца XIV в., в связи с отказом Новгорода от митрополичьего суда, наместники еще более расширяют свои полномочия, в том числе за счет тех вопросов, что некогда относились к ведению смешанного суда княжеского наместника и посадника. По мнению В.Л. Янина, данный институт просуществовал вплоть до 1478 г.²² В.А. Буров относил печати с изображением креста и Богоматери «софьянам», упомянутым в «Уставе о мостех» и Новгородской судной грамоте. Под софьянами он понимал лиц, приближенных к владычному двору, в том числе и владычных наместников.²³ В другой работе В.А. Буров предполагал, что данные печати могли использоваться настоятелями погостских церквей, выступающих в роли наместников владыки при заверении поземельных сделок.²⁴ С.В. Белецкий считал, что рассматриваемый разряд новгородских печатей появился не позднее XII в. и употреблялся в делопроизводстве, связанном с полномочиями новгородского владыки как высшего должностного лица в аппарате светской власти. На рубеже XIII-XIV вв. этими печатями получили право пользоваться особые чиновники.²⁵ В целом, таким образом, можно наблюдать, что исследователи достаточно единодушны в отношении этих булл владычной администрации.

Несмотря на немногочисленность «Печатей Великого Новгорода» и предшествующих им, сохранившихся при подлинных актах, они позволяют приблизительно определить период бытования новгородских «государственных» печатей. Два одинаковых экземпляра Печати Всего Новгорода сохранились при договоре Новгорода с Готским берегом, Любеком и не-

мецкими городами, датируемом 1262-1263 годом.²⁶ Два известных экземпляра Новгородской печати и посадничьей, сохранившихся при грамотах, отстоят от них более чем на столетие, но между ними самими хронологическая разница невелика: одна привешена к договору с тверским князем Михаилом Александровичем 1371 г., а другая к наказу послам Юрию и Якиму 1372 г.²⁷ Из грамот, снабженных "печатами новгородскими" и "печатами Великого Новгорода", три отнесены к 1410-м годам: это грамоты Новгорода Кольвани, Риге и магистру Ливонского Ордена²⁸. Еще одна грамота, адресованная тверскому князю Борису Александровичу, датируется 1446-1447 гг.²⁹. Далее, это грамота Новгорода Кольвани (ок. 1439 г.), договор с Ливонским Орденом 1448 г. и жалованная грамота Троице-Сергиеву монастырю ок. 1475 г.³⁰

Таким образом, актовый материал дает вполне ясное представление о хронологии печатей указанных разрядов. Эту хронологию принимали все исследователи, включая В.Л. Янина, который, однако, счел необходимым сделать ряд уточнений. Он обратил внимание, что к грамоте, скрепленной Печатью Всего Новгорода привешены также печати Ярослава Ярославича, несмотря на то, что автором документа указан Александр Невский. Исходя из этого Янин предположил, что грамота была ратифицирована и скреплена печатами только после вокняжения Ярослава Ярославича и, следовательно, Печать Всего Новгорода следует датировать 1264 г.³¹ Начало использования печатей "новгородских" и "Великого Новгорода" В.Л.Янин конкретизировал 1416-17гг., когда, по его мнению, произошла реформа "совета господ", расширившая число посадников и тысяцких, и установившая полугодовой срок занятия степени.³² При этом, хотя оба типа печатей начали использоваться одновременно, "печати новгородские" вышли из употребления гораздо раньше, даже археологически они зафиксированы не позднее 1422 г.³³ После Яжелбицкого договора 1456 г. "печати Великого Новгорода" выходят из широкого употребления, появляясь эпизодически при наиболее важных документах.³⁴

Печати "новгородские" и "Великого Новгорода" всегда встречаются при грамотах попарно, соответствуя в интитуляции имени посадника и тысяцкого. Н.И.Костомаров неуверенно соотносил их с деятельностью веча³⁵. Н.П.Лихачев же, определенно приписывал печати Новгородские и Великого Новгорода посадникам и тысяцким, отмечая их равнозначность, а также то, что обе печати употреблялись при грамотах не только одновременно, но и совместно³⁶. Особенностью взгляда Н.П.Лихачева было мнение, что «Новгородская печать и посадничья» входит в общую группу «печатей новгородских», отличаясь лишь развернутой легендой. Соответственно, некоторые из печатей Великого Новгорода Лихачеву представлялось возможным датировать уже концом XIV в.³⁷ Н.Г. Порфиридов определенно атрибутировал их посадникам и тысяцким.³⁸ Причину появления этих печатей он видел в успехах новгородского самоуправления, когда княжеской печати при документах стало недостаточно.³⁹ Ошибочно датируя грамоты

с "новгородской печатью и посадничьей" 1305 и 1317 гг., Н.Г. Порфиридов считал их основой для развития именных печатей посадников и тысяцких.⁴⁰ В.Л.Янин, увязывавший возникновение и эволюцию "печатей новгородских" и родственных им с развитием боярского представительного органа – "совета господ", сначала отрицал их персональность, говоря, что эти буллы не принадлежат ни посаднику, ни тысяцкому, представляя идею государственной власти, стоявшей над посадником и над тысяцким; это "принадлежность боярской олигархии в целом".⁴¹ Тем не менее, в дальнейшем Янин был вынужден признать, что печати "новгородские" и "Великого Новгорода" "вопреки своей анонимности и подчеркнута антиперсональному характеру оставались все же буллами персональными".⁴² Вместе с тем, он по-прежнему объединял типы печатей, начиная с "всего Новгорода" и кончая "Великого Новгорода" под общим названием "печати Совета господ". М.Х. Алешковский видел в появлении "печатей всего Новгорода" свидетельство ограничения юрисдикции боярского посадника и усиления роли тысяцкого. Свидетельством продолжающегося в XIV-XV вв. ограничения власти посадника является, по его мнению, также увеличение количества посадников.⁴³

А.Л. Хорошкевич выступила в 1997 г. с идеей о раздельности прочтения формулы легенды "новгородская печать и посадничья". Две стороны печати были призваны символизировать две стороны в смешанном суде – новгородскую (под которой подразумевался великокняжеский наместник) и посадничью.⁴⁴ С.В.Белецкий развил эту идею в другом направлении: по его мнению, за формулами "весь Новгород", "Новгород" и "Великий Новгород" скрывался особый орган власти, входивший на протяжении длительного времени в структуру новгородских органов управления. За видоизменениями же соответствующих печатей могли стоять изменения статуса скрытого за ними органа власти.⁴⁵

Как можно было видеть, отсутствие полной ясности в атрибуции и хронологии средневековых булл Новгорода является серьезным препятствием для определения того или иного сфрагистического типа в качестве государственной печати. Кроме того, неопределенность заложена и в самом понятии «государственная печать». Преодолеть эту неопределенность может помочь сопоставление с городскими печатями средневековых городов немецкого права.

Средневековая европейская городская печать представляет собой единственный выраженный пример светской печати, представляющей не личность, а общину как таковую. Ее возникновение в Германии было верным признаком достижения городской общиной необходимого уровня эмансипации и консолидации. Поэтому, рассматривая вопрос о формировании официальной печати в Новгороде, единственным примером для сравнения могут служить классические печати европейских городов, в первую очередь, тех из них, что относятся к Балтийскому региону, к кото-

тому Северо-Западная Русь во многом принадлежала сама. В предыдущем исследовании была предпринята попытка сопоставить основы сфрагистической иконографии городов немецкого права, с одной стороны, и Северо-Западной Руси, с другой.⁴⁶ При этом, делая вывод об их принципиальной сопоставимости, предполагалось, что и в Новгороде, и в Пскове за государственную печать следует принимать не один конкретный тип, а общую совокупность булл, обладающих публично-правовым статусом. Однако такой подход не учитывает динамику изменений сфрагистики и не позволяет выявить характеризующие их тенденции. Только учитывая эту динамику, можно ответить на вопрос – существовала ли в городах Северо-Западной Руси тенденция к выделению сфрагистического типа, который был бы достаточно репрезентативным, чтобы считаться государственной или городской печатью.

К тринадцатому веку в новгородском делопроизводстве господствуют два сфрагистических типа. Это буллы архиепископов, сохранившиеся в почти неизменном виде с XII в. и великокняжеские буллы, пережившие при Ярославе Всеволодовиче иконографическое переформирование. На примере европейских городов можно наблюдать, что церковные печати и печати сенюров часто служили основой для формирования собственно городских. Можно ли говорить о сходных тенденциях в Новгороде? К сожалению, подлинных грамот с этими печатями первой половины XIII в. до нас не дошло, но, тем не менее, по всей видимости, оба указанных типа в этот период имели значение государственной печати. Общегосударственное значение владычной печати явствует из грамот конца XIII-XIV вв. В договорных грамотах начала XIV в. с тверским великим князем Михаилом Ярославичем⁴⁷ новгородская сторона представлена только именной владычной печатью. В договорной грамоте с Михаилом Ярославичем от 1296-1301 гг.⁴⁸ архиепископ значится ее адресатом: «Поклон от князя от Михаила к отцу ко владыце. То ти, отъче, поведаю ...». Грамот, где великокняжеская печать представляла бы новгородские органы власти, не известно, однако такая связь более чем вероятна, судя по обилию археологических находок. По мнению В.Л.Янина, этими печатями пользовались от имени великого князя его наместники, а сами буллы скрепляли акты, оформленные судебным решением.⁴⁹ Таким образом, это были документы смешанного суда князя и посадника, где первого заменял наместник. Впервые компетенция такого суда зафиксирована в договорной грамоте Новгорода с Ярославом Ярославичем 1270 г.: «А бес посадника ти, княже, суда не судити, ни волости раздавати, ни грамот ти даяти».⁵⁰ То, что при этом великокняжеские буллы известны, а посадничьи нет, В.Л.Янин объяснял неравноправностью суда, по отношению к посаднику, минуя которого, судебные пошлины шли в великокняжескую казну.⁵¹

Если считать, что княжеская и владычная буллы в первой половине XIII в. играли роль городской печати Новгорода, то можно ли говорить, что они в дальнейшем стали основой для формирования новгородской городской

печати, как это часто бывало в западноевропейских городах? Первая була, которая по своему оформлению открыто претендует на статус новгородской городской печати – «печать Всего Новгорода» – привешена к договору Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами,⁵² первоначально датированному 1262/63 гг.

Наличие у грамоты двух практически идентичных комплектов печатей достаточно убедительно объяснено И.Э. Клейненбергом и В.Л. Яниным тем, что грамота содержит два договора – старый и новый⁵³. Основная проблема же, связанная с этой грамотой – противоречие между авторством Александра Невского, зафиксированным в интитуляции: «† Се аз князь Олександр и сын мои Дмитрии...» и печатью Ярослава Ярославича, привешенной к грамоте. Собственно, Александр и не упоминался среди участников похода на Юрьев 1262 г. Летопись называет Ярослава Ярославича, Дмитрия Александровича с шурином Константином, Товтивила Полоцкого и новгородцев⁵⁴. Это позволило В.Л. Янину отнести ратификацию грамоты ко времени Ярослава Ярославича (с 1264 г.).⁵⁵ А.Л. Хорошкевич датировала пергамент еще более поздним временем – 1270 годом, причем полагала, что в данном случае речь идет не о подлинном документе, а о копийном списке договоров 1191/2 и 1259 гг., изготовленном специально для Риги, которая не являлась субъектом договора.⁵⁶ В свете своей датировки Янин расценивает указанную печать в качестве попытки оформить тип собственно республиканской печати и как ознаменование успехов боярской консолидации и создания совета представителей разных боярских группировок.⁵⁷ Еще ранее Н.Г. Порфиридов также противопоставлял печать «Всего Новгорода» княжеской, которой стало недостаточно.⁵⁸ С.В. Белецкий видит в этой печати скрытую попытку декларировать равенство, если не верховенство, полномочий республиканского органа власти в Новгороде с великим князем.⁵⁹ Т.Василевский приписывает печать новгородскому вечу – независимому от князя органу власти⁶⁰. С.М.Каштанов видит в понятии «Весь Новгород» аналог европейского “universitas civium”⁶¹.

Тем не менее, всем этим оценкам противоречит тот факт, что столь важное сфрагистическое завоевание новгородского суверенитета осталось уникальным в своем роде. То, что ни одной «печати Всего Новгорода» до сих пор не найдено при раскопках, говорит о том, что она существовала крайне непродолжительное время. Символика данной печати – Вседержитель – как было выяснено, выражает приоритет великокняжеской власти. Это становится понятным, если вернуться к датировке данного договора 1262/63 годами, то есть после победоносного похода новгородцев под Юрьев (идоша новгородци с князем своим с Дмитрием с Александровицем великим полком под Юрьев...⁶²). В этом случае, печать «всего Новгорода» можно рассматривать как один из последовательных шагов Александра Невского по упрочению своего влияния в Новгороде.

В 1255 г. князь грубым давлением добился смены посадника и назначения Михалки Степановича.⁶³ Из последующего конфликта с новгородцами в 1257 г. Александр вновь вышел победителем, сместив одновременно с новгородского стола своего сына Василия и казнив его дружину.⁶⁴ Очередное унижение это князя новгородцы испытали в 1259 г., когда Александр совместно с татарскими послами взял с них дань и посадил на княжение своего малолетнего сына Дмитрия. Скорее всего, введение «печати Всего Новгорода» следует связывать либо с этим событием, либо с 1257 годом, когда посадником стал Михаил Федорович. Получение печати из рук князя делало посадника княжеским чиновником. Нельзя забывать и об обстоятельствах, при которых мог быть заключен договор 1262/63 гг.: Александр Ярославич был в Орде, а наместничавший сын Дмитрий был малолетним и мог не только не иметь личной буллы, но и не владеть именным буллотирием своего отца. Таким образом, «печать Всего Новгорода» могла явиться неким своеобразным сурогатом новгородской печати, принадлежащим суду князя и посадника. Не исключено, что она была призвана сменить в этой роли прежние именные княжеские печати. В то же время, Ярослав Ярославич, будучи тверским князем, мог уже тогда пользоваться личной буллой. Вскоре после смерти Александра, в 1264 г. «выгнаша новгородци князя Дмитрия Алексадровича из Новагорода, сдумавше с посадником Михалком».⁶⁵ Представляется вероятным, что тогда же было прекращено использование печати «Всего Новгорода», хотя не исключено, что она просуществовала до конца посадничества Михаила Федоровича. В договоре с новым великим князем Ярославом Ярославичем, в частности, говорится: «А что твои брат отъял был поже у Новагорода, а того ти, княже, отступися: что новгородцев, то новгородьцем; а что пошло князю, а то княже»⁶⁶.

До конца XIII в. в Новгороде, кроме княжеских, достоверно известны лишь печати архиепископов, зато в большом количестве. Это 7 экз. печати Далмата (1251-1273) и целых 6 разновидностей печати Климента (1276-1299) (№ 455-458а, б). Таким образом, во второй половине XIII в. владычная печать занимает преобладающее положение в новгородском делопроизводстве. По мнению А.С.Хорошева, на протяжении XIII в. владычный аппарат наращивал силы для завоевания привилегированного положения в новгородском судопроизводстве, что отразилось в Уставе и Рукописании князя Всеволода. На рубеже XIII-XIV вв. также происходит расширение функций владычных наместников⁶⁷. В начале XIV в. возникает анонимная владычная печать. Тем не менее, трансформации в общеновгородскую в первой половине XIV в. владычная печать не переживает. Договорная грамота с Любеком, Готским берегом и Ригой 1301 г.⁶⁸, а также грамота Новгорода Риге 1303-07 г.⁶⁹ утверждены печатями посадника и тысяцкого. Печати эти, хотя и намного уступают владычным по количеству, но ясно показывают отсутствие в Новгороде начала XIV в. определенных тенденций к созданию единой общегородской печати. И, хотя в договоре с Ми-

хаилом Ярославичем 1316 г. (ГВНиП, № 11) Новгород представлен лишь печатью архиепископа Давида, копия договорной грамоты Новгорода с Норвегией 1326 г. сообщает, что к грамоте были привешены печати епископа, посадника и тысяцкого.⁷⁰ Видимо, только этот набор булл обеспечивал полное представительство от имени новгородского государства. Владычные же буллы закрепились, главным образом, в определенных сферах – при поземельных имущественных сделках и в сфере участия в управлении пригородами. По всей видимости, отнесение поземельных сделок к ведению владычной администрации проистекает из положения, зафиксированного в разных источниках, самый ранний из которых, по всей видимости, Устав князя Владимира Святославича. Его синодальная редакция относит к ведению церковного суда случаи, когда «брáтя или дети тяжются о задницю».⁷¹ Это положение повторено во всех последующих уставах.

Можно констатировать преобладание именной владычной буллы в новгородском делопроизводстве конца XIII-начала XIV вв., но не вполне ясен характер документов, скрепляемых этими буллами. Еще менее ясно значение княжеских печатей, не уступающих владычным по количеству находок. Новгородских грамот внутреннего управлѣния с великокняжескими буллами до нас не дошло. Не вполне ясно также, какие грамоты скреплялись именованными владычными печатями второй половины XIII-первой половины XIV вв. Их относительный количественный паритет с княжескими позволяет предположить, что эти буллы скрепляли одни и те же грамоты. Печати архиепископов употребляются наравне с великокняжескими буллами в государственных актах начала XIV в.⁷² Владычная печать, таким образом, могла прикладываться с новгородской стороны за посадника. Посадничья именная печать этого времени только начала свое становление. До 1301 г. посадничьих печатей достоверно не зафиксировано, хотя В.Л.Янин предполагал, что посадникам и тысяцким XIII в. могли принадлежать буллы с изображением руки (№ 670, 671).⁷³ Печати посадников начала XIV в. эпизодичны и редки. Печати Семена Климовича и Андрея Климовича⁷⁴ не имеют указаний на посадничью должность, и по оформлению их скорее можно назвать личными печатями. Это не противоречит заявленному В.Л. Яниным тезису об отсутствии в Древней Руси личной вислой буллы, так как древнерусские буллы, как и большинство средневековых печатей, были одновременно личными и должностными. В оформлении же указанных посадничьих печатей больше личного, чем должностного. Посадничья печать в начале XIV в. столь же нестабильна, как и сама посадничья должность. В связи с частой сменой посадников их печати скорее исключение. Появление печати Семена Климовича при государственном документе может служить свидетельством укрепления власти посадника, тем более, что Семен становился посадником очень много раз: в летописи он упомянут в 1293, 1305 и 1315 гг.⁷⁵, чередуясь с Андреем Климовичем и Юрием Мишиничем. Верен ли или нет вывод В.Л.Янина о введении в начале XIV в. годичного срока посадничества,⁷⁶ он не противоре-

чит заключению, что отсутствие в этот период стабильной посадничьей печати обусловлено кратковременностью пребывания посадников на степени. Одновременно в печатях тысяцких, привешенным к упомянутым грамотам ясно указана должностная принадлежность. Видимо, должность тысяцкого отличалась большей стабильностью и далеко не всегда со сменой посадника сменялся и тысяцкий. В 1286 г. Иван был сменен Андреем Олديرьевичем. В следующий раз Андреем упомянут 1293 г.⁷⁷ и не исключено, что все это время он оставался при своей должности. В этих условиях самым стабильным из новгородских институтов власти, югородских частных грамот – данной Онципора Осипова сына Соловецкому монастырю – заверяющая ее анонимная владычная печать прокомментирована так: «а на то послух печать дому божию святеи Софии и архиепископа владыки Феофила»⁷⁸. Церковные печати вообще повсеместно можно назвать древнейшей формой нотариальных. Причин их утверждения в этом качестве можно назвать несколько: 1) отсутствие в эпоху развитого средневековья разветвленного светского чиновничьего аппарата; 2) желание придать заверению документа также и сакральный смысл (см. в предыдущем параграфе о значении голгофского креста на печатях). Потому в грамотах часто призываются в свидетели не только священники-духовники, но и Спас, Богородица и различные святые. Духовную грамоту великого князя Дмитрия Ивановича заверяет своей печатью его духовник – митрополит Алексей: «А Ою грамоту ... явил есмь отцю своему Олексею, митрополиту всея Руси. И отець мои Олексеи ... печать свою привесил к сеи грамоте»⁸⁰. Для средневекового человека была очень характерна сакрализация судебного и делопроизводства. На это также обращал внимание Е.Е.Голубинский⁸¹. Признание за церковными печатями аутентичности было характерно не только для Руси, но и для Западной Европы. Епископская власть была исходной точкой развития нотариата в Европе послекарولينгского периода⁸². Б.Б.Хайм сообщает, что Лондонский собор 1237 г., в связи с тем, что в Английском королевстве не существовало особых королевских нотариусов, предписывал считать достойными доверия не только печати архиепископов и епископов, но также их чиновников, аббатов, деканов, архидиаконов, викариев, капитулов, соборов, колледжей, монастырей⁸³. Можно было видеть, как в старейших городах Германии городские печати формировались на основе церковных.

В первой половине XIV в., как уже говорилось, именная владычная печать не только не укрепляется в положении государственной печати, но напротив, по всей видимости, утрачивает свое бывшее положение.

Я.Н. Щапов подчеркивал, что хотя архиепископ и становился нередко главой государства, но Новгород, богатый политической жизнью, с господствующей светской струей, никогда не превращался в теократическую республику⁸⁴. Как отмечал В.Л.Янин, со времени архиепископства Моисея (1326-1330) анонимные владычные буллы начинают преобладать над именованными.⁸⁵ Таким образом, владычная печать, в ее анонимной разновидности, применяется, главным образом, в области имущественных сделок. При государственных документах она уступает место полностью или частично печатям посадника и тысяцкого. Печати епископа, посадника и тысяцкого указаны в корроборации договора Новгорода с Норвегией 1326 г.⁸⁶ Список текста грамоты 1342 г. предварен надписью: «Так говорит русская грамота, которую новгородцы нам дали о воске. Ее нам запечатали епископ новгородский, и наместник великого князя, и посадник, и тысяцкий от всех новгородцев»⁸⁷. Печати посадников достаточно часто стали встречаться среди археологических находок с середины XIV в., причем принадлежность этих печатей посадникам четко подтверждена их легендой. Количество булл великокняжеских наместников серьезно не меняется на протяжении всего XIV в. – это по-прежнему один из самых многочисленных новгородских сфрагистических разрядов. При этом, отношения с князьями, как всегда, были сложными. Московско-тверское противостояние из-за великого княжения завершилось в 1327 г. к удовольствию новгородцев разгромом Твери, причем новгородцы даже отказались принять бежавшего Александра Михайловича.⁸⁸ Однако уже в 1333 г. Иван Данилович захватил Торжок, начав тем самым со стороны Москвы опасную для Новгорода политику великих князей. Она продолжалась и при Семене Ивановиче, причем на стороне великого князя в 1340 г. выступили сами новоторжцы.⁸⁹ Усиление московских князей стало настолько беспокоить новгородцев, что после смерти Семена Ивановича те снарядили специальное посольство к хану, прося дать княжение Константину Суздальскому.⁹⁰

Серьезной претензией на статус новгородской государственной печати стала «новгородская печать и посадничья», зафиксированная при договорной грамоте Новгорода с Михаилом Александровичем 1371 г. и при грамоте-наказе послам Юрию и Якиму об условиях заключения мира с тем же князем, в сборнике «грамот Великого Новгорода и Пскова» датированная 1372 годом, а В.Л. Яниным - 1374-началом 1375 года⁹¹. Аналогичные печати, оттиснутые другими матрицами, свидетельствуют, что данная булла не была уникальным кратковременным явлением, подобно печати «всего Новгорода». Но на какой стадии развития этот сфрагистический разряд был зафиксирован грамотой 1371 г., неизвестно. По мнению В.Л.Янина и П.Г. Гайдукова, булла могла существовать до начала XV в., когда сменилась «печатью новгородской».⁹² Другое новое явление в новгородской сфрагистике, относящееся к тому же периоду – заверение новгородской грамоты множеством должностных печатей.

При нынешнем состоянии источниковой базы сказать что-либо определенное о характере «Новгородской печати и посадничьей» нельзя. Наиболее вероятные гипотезы были выдвинуты В.Л. Яниным и А.Л. Хорошкевич⁹³. В пользу версии Янина говорит означившаяся в том же году тенденция скреплять государственные грамоты общей совокупностью булл кончанских посадников и тысяцких. Такое изобилие посадничьих булл могло вынудить степенного посадника по-особому оформить свою печать. Версия Хорошкевич об отражении печатью двух сторон смесного суда – княжеской и посадничьей вследствие укрепления великокняжеских позиций в Новгороде может подтверждаться особенностями политической обстановки. Действительно, к 1371 году, впервые со времен Александра Невского, позиции Дмитрия Ивановича в Новгороде заметно укрепились. Угроза нового взъятия Твери заставила новгородцев забыть свои счеты с московскими князьями. В 1367 г. новгородцы заключили мир с Дмитрием Ивановичем, и тот прислал в Новгород своих наместников.⁹⁴ Когда Михаил Александрович в 1371 г. получил ярлык на великое княжение, ему не удалось занять владимирский стол, «а ркучи так: взял еси ложе великое княжение»⁹⁵. Договор новгородцев с Михаилом Александровичем 1371 г. заключен беспрецедентной формулой: «А вынесут тебе из Орды княжение великое, нам еси князь великий; или как не вынесут тебе княжения великого из Орды, поити твоим наместникам из Новагорода проць и из новгородьских пригородов, а в том Новугороду измены нету»⁹⁶. Решение Орды оказалось не в пользу Твери, и, похоже, что михайловы наместники до Новгорода не добрались, а успели добраться только до Торжка, откуда новгородцы изгнали их в 1372 г. В ответ на это Михаил Александрович предпринял карательный поход⁹⁷. Тем временем новгородцы заключают союз с Дмитрием Ивановичем против тверского и литовского князей⁹⁸. Когда же в 1375 г. Дмитрий Иванович совершал поход на Тверь, новгородцы с готовностью приняли в нем участие. В последовавшем московско-тверском докончании значится: «на сем, брате молодшии, князь великий Михаилу Олександрович, целуи ко мне крест ... и к нашей вотчине к Великому Новугороду», «А вотчины ти нашии Москвы, и всего великого княженья и Новагорода Великого, блюсти а не обидети»⁹⁹. Претендовавшему в 1376 г. на сан русского митрополита Киприану новгородцы ответили: «шли князю великому, аще примет тя князь великий митрополитом всеи Руской земли, и нам еси митрополит»¹⁰⁰.

Неизвестно, передавались ли «новгородские печати и посадничьи» от одного посадника к другому и как три известных экземпляра распределялись хронологически. Вероятнее всего, что печати эти имели персональный характер и подлинно государственными они не стали, так как от конца XIV-начала XV вв. до нас много личных посадничьих печатей, в том числе и заверяющих государственные акты – 1373, 1375и 1410 гг.¹⁰¹ Важно, что к концу XIV в. печати посадников завоевывают приоритетное положение при заверении государственных актов.

Это вполне увязывается с выводом В.Л.Янина об увеличении в середине XIV в. количества посадников и тысяцких и их стабилизации у власти¹⁰². Должность же степенного посадника, призванного олицетворять верховную власть, осталась нестабильной, как и «новгородская печать и посадничья». Увеличение количества новгородских посадников и тысяцких, представлявших концы, свидетельствует о центростремительных тенденциях в Новгороде и если бы они были уравновешены общегородским советом, это могло бы ознаменоваться появлением единой общегородской печати. Но можно ли признать таковыми «печати новгородские» и «печати Велико-Новгорода»?

Для уточнения положения этих булл имеет смысл сравнить их с главными печатями средневековых городов немецкого права. Как можно было видеть, иконографически они вполне совместимы¹⁰³. Вместе с тем, существует несколько бросающихся в глаза существенных отличий. Во-первых, печати «новгородские» и «Великого Новгорода» в большинстве случаев встречаются при документах попарно, соответствуя посаднику и тысяцкому, на что обращал внимание еще Н.П.Лихачев¹⁰⁴, а в 1970 г. признал В.Л.Янин¹⁰⁵. То есть ни о какой единой государственной печати речи изначально не идет. Во-вторых, большое количество данных печатей свидетельствует, что по наследству они, скорее всего, не передавались, и в этом заключается их коренное отличие от печатей городов немецкого права. Немецкая городская печать олицетворяла весь город, тщательно сохранялась и в случае изготовления новой, по возможности точно копировалась. В присяге членов Кельнского городского совета 1341 г. говорилось: «запрещается без согласия всех советников прикладывать большую или малую печать к открытым грамотам, а также прикладывать городскую печать к грамотам о пожизненной ренте и к охранным грамотам, выдаваемым кельнским горожанам»¹⁰⁶. Печати же «новгородские» так и остались личными буллами посадников и тысяцких, правда исключительно степенных: Время от времени они перемежались именными печатями степенных посадников и тысяцких. Какова же тогда вообще была причина появления этих печатей? В.Л.Янин в 1961 г. связывал его с реформой посадничества, которая как он полагал, произошла приблизительно в 1416-1417 гг. В ходе этой реформы было увеличено количество одновременно существующих посадников¹⁰⁷. Сами же печати он приписывал «совету господ»¹⁰⁸. В то же время в 1991 г. Янин предложил датировать грамоту Новгорода магистру Ливонского ордена (ГВНиП, № 53), несущую «печать новгородскую» и «печать Великого Новгорода» не 1417, а 1414/15 гг., грамота же Кольвани (ГВНиП, № 56) с «печатью новгородской», по его мнению, еще древнее – 1413/15 года. Реформу посадничества и тысяцкого В.Л.Янин в той же работе отнес к 1418-1419 гг.¹⁰⁹ В силу своей персональности, да еще и дублированности, печати «новгородские» и «Великого Новгорода» едва ли можно назвать печатями «совета господ». Кроме того, печати посадников и тысяцких, как персональные, так и неперсональные, стави преобладаю-

щими, не смогли вытеснить в деле утверждения государственных грамот печати архиепископов. В XV в. заметно дальнейшее усиление концов, выразившееся в появлении их особенных печатей. Эти печати привешены к жалованной грамоте Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1448-1454 гг. и упомянуты в подобной грамоте 1476-1477 гг.¹¹⁰ Все это превращает «государственные печати» в явную фикцию. В этой связи С.М.Каштанов проводил аналогию с грамотами городов Саксонии конца XIII-XIV вв., которые наряду с собственно городскими печатями скреплялись также печатями других властей. Здесь это рассматривается как признак недостаточной самостоятельности муниципалитетов¹¹¹. Однако, в случае с Новгородом, речь идет даже не о собственно городских печатях.

Обращает на себя внимание то, что, как уже отмечалось, иконография печатей «новгородских» и «Великого Новгорода» при всем своем разнообразии состоит исключительно из великокняжеской символики. В то же самое время – в начале XV в. – эти же символы появляются на личных печатях посадников и тысяцких, которые несколько десятилетий никаких изображений не имели. Одновременно начинает сокращаться количество великокняжеских печатей. Все это заставляет вновь обратиться к истории отношений Новгорода с Москвой.

Конец XIV в. ознаменовался напряженной борьбой Новгорода с великим князем из-за волостей. Борьба шла с переменным успехом. В 1401 г. архиепископ новгородский Иоанн был с помощью митрополита фактически взят в заложники «и пребысть у Куприана митрополита в наказании и смирении, да не точю сам накажется смиреня мыслити и творити, но и инем полза будеть»¹¹². По сообщению Софийской летописи, владыка был арестован по инициативе не митрополита, а самого Василия Дмитриевича¹¹³. Тем временем на Двине не прекращались стычки новгородцев с войсками великого князя. В 1402 г. Василий I отпустил в Новгород посадников Семена и Михаила¹¹⁴. Иоанн вернулся в Новгород только в 1404 г. Об обстоятельствах этого возвращения не сообщается. По мнению В.Н.Бернадского, князь с митрополитом, отпустив Иоанна признали свое поражение, не добившись у Новгорода никаких уступок¹¹⁵. В 1406 г. в Новгород приехал брат Василия I Петр и пробыл в Новгороде полторы недели; спустя два года «прииха в Новъгород князь Костянтин Дмитриевич от брата своего, от великого князя Василья на наместничество»¹¹⁶. В 1419 году Новгород посетил сам Василий I, а в 1420 г. началась чеканка новгородской серебряной монеты.¹¹⁷

В Яжелбицком договоре 1456 г. впервые встречается условие «а печати быти князеи великих»¹¹⁸. С одной стороны, такое требование выглядит закономерным для 1456 г., но с другой – это не вызвало никаких заметных изменений в новгородской сфрагистике даже после Коростынского договора 1471 г., вновь повторившего данное требование¹¹⁹. Л.В.Черепнин предполагал, что это новое выдвинутое Москвой требование впоследствии просто не выполнялось Новгородом¹²⁰. В.Л.Янин считал, что данная статья имела более скромный смысл – требовала обязательного употребления

печати великокняжеских наместников в какой-то специфической сфере делопроизводства, где до того роль представителя великого князя игнорировалась республиканскими органами. Имелся в виду порядок оформления документов смесного суда посадника и великокняжеского наместника¹²¹.

Однако, можно также предположить, что под «печатами князей великих» подразумевалось не что иное как печати «новгородские» и «Великого Новгорода» с великокняжеской эмблематикой. При том, что Яжелбицкий договор был заключен в 1456 г., а самые ранние печати «новгородские» и «Великого Новгорода» привешены к грамотам 1413-1417 г.¹²² встает вопрос: действительно ли рассматриваемый пункт появился впервые в 1456 г., как полагал Л.В.Черепнин и прочие исследователи? Этот пункт содержит лишь московская грамота Яжелбицкого договора, тогда как в новгородской грамоте он отсутствует. От предшествующего договора 1435 г. московская грамота до нас не дошла – не исключено, что данное условие содержалось уже там.

В этом случае, реализация принципа «а печати быти князеи великих» началась уже со второй половины XIV в., с появления «Новгородской печати и посадничьей». В период до 1417 г. происходит появление «печатей новгородских» и «печатей Великого Новгорода», а затем и утверждение пяти характерных изображений на личных печатях новгородских должностных лиц. В.Л.Янин отмечал, что термин «новгородская печать» был в XV в. пережиточным и буллы эти вышли из обращения раньше, чем «печати Великого Новгорода»¹²³. Таким образом, возможно, что «печати новгородские» и «печати Великого Новгорода» при грамоте магистру Ливонского Ордена. представляют уже не начальный период бытования данной категории печатей. Вероятно, разрешение кризиса с захватом посадников и владыки 1401-1404 гг. не обошлось Новгороду даром. Несмотря на отсутствие грамот и молчание летописей, возможно, что уже до 1406 г., когда в Москву прибыло совместное посольство новгородцев и псковичей с просьбой военной помощи против Витовта, между Новгородом и Василием Дмитриевичем должно было быть заключено соглашение, где временная уступка князя в двинском вопросе сопровождалась какими-то уступками со стороны новгородцев.

Помимо великокняжеской эмблематики, украшающей печати, обращает на себя внимание формула легенды. Указание на новгородскую принадлежность печати было более важно для Москвы, нежели для Новгорода. С точки зрения новгородцев, более полезным было бы указание должностной, а не топографической принадлежности печати. Показательны в этом отношении новгородские полушки XVI-XVII вв. с надписью «ВЕЛИКОГО НОВАГОРОДА» и изображением птицы, по мнению П.Г. Гайдукова, введенные во время денежной реформы Елены Глинской¹²⁴, когда от новгородской независимости осталось одно воспоминание. Легенды подобного типа встречаем также на печати Ивана IV 1583 г., где надписи «печать ...» окружают эмблемы подвластных земель.

Таким образом, можно заключить, что в Новгороде, по всей вероятности, со второй половины XIV до конца XV вв. под видом новгородских государственных появились печати степенных посадников и тысяцких, оформленные в виде новгородских великокняжеских провинциальных печатей. Хотя печати немецких, особенно имперских, городов очень широко использовали сеньориальную символику, главное, почему ни «печати новгородские», ни «печати Великого Новгорода» нельзя назвать государственными – они не были сами по себе достаточно репрезентативны. Очевидно, что в Новгороде к концу XV в. так и не сложилось предпосылок для появления общегородской печати, то есть, не был достигнут необходимый уровень консолидации управления.

ПРИМЕЧАНИЯ

-
- ¹ Янин В.Л. Изучение древнерусских вислых печатей // ВИД. Л. 1968. Вып. 1. С. 33.
- ² Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 99.
- ³ Костомаров Н.И. Русская республика. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (история Новгорода, Пскова и Вятки). Смоленск, 1994. С. 286.
- ⁴ ЛСА. Л. 174.
- ⁵ Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 3. Новгородские печати/Архив РАН, С-Петербургский филиал, Ф. 246. Оп. 1. Д. 150. Л. 24.
- ⁶ Порфиридов Н.Г. Древний Новгород. Очерки из русской культуры XI-XV вв. М.-Л., 1947. С. 40.
- ⁷ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы, Ч. 1, М., 1948. С. 239.
- ⁸ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 270.
- ⁹ Янин В.Л. Актные печати древней Руси. т. 2. М., 1970 (далее - АП). С. 125-126.
- ¹⁰ Янин В.Л. Новгородские посадники. Изд. 2. М., 2003. С. 351, 447.
- ¹¹ Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974. С. 90.
- ¹² Хорошкевич А.Л. Еще раз о символах русской государственности: византийские и западноевропейские традиции в русской средневековой сфрагистике // Римско-константинопольское наследие наследие на Руси: Идея власти и политическая практика. IX Международный семинар исторических исследований "От Рима к Третьему Риму" Москва, 29-31 мая 1989 г. М., 1995. С. 207.
- ¹³ ГВНиП. № 36.
- ¹⁴ Там же. № 70.
- ¹⁵ ЛСА. Л. 100, 131, 215-216, 443.
- ¹⁶ Порфиридов Н.Г. Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати владык Великого Новгорода // НИС. вып. 9. Новгород, 1959. С. 90.
- ¹⁷ Шорин П.А. Анонимные печати новгородских архиепископов // СА. 1964. №3. С. 256.
- ¹⁸ Там же. С. 257-260.
- ¹⁹ Там же. С. 261.
- ²⁰ АП-2. С. 52, 54.
- ²¹ Там же. С. 58.

- ²² Там же. С. 58-60.
- ²³ **Буров В.А.** Очерки истории и археологии средневекового Новгорода, М. 1994, С. 179-180.
- ²⁴ **Буров В.А.** «А погост Жабна пуст ...». М. 1994. С. 126.
- ²⁵ Белецкий С.В. Вечевые печати Пскова/Сфрагистика средневекового Пскова. СПб., 1994. Вып.2. С. 37.
- ²⁶ ГВНИП. № 29.
- ²⁷ Там же. № 15, 17.
- ²⁸ Там же. № 56, 58, 53.
- ²⁹ Там же. № 20, с.36-38.
- ³⁰ Там же. № 69, 72.
- ³¹ **Янин В.Л.** Новгородские посадники. С. 150-151; **Он же.** Актовые печати ..., т. 2, С. 125.
- ³² АП-2. С. 129.
- ³³ Там же. С. 130.
- ³⁴ Там же. С. 132.
- ³⁵ **Костомаров Н.И.** Указ. соч. С. 286.
- ³⁶ **Лихачев Н.П.** Материалы для истории ..., Вып. 3, Л.3, 6, 8, 21.
- ³⁷ Там же. Л. 2; ЛСА, Л. 468-469.
- ³⁸ **Порфиридов Н.Г.** Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати Великого Новгорода // НИС. Вып. 8. Новгород, 1940. С. 19.
- ³⁹ Там же. С. 20.
- ⁴⁰ Там же. С. 22.
- ⁴¹ **Янин В.Л.** Новгородские посадники. С. 272, 350.
- ⁴² АП-2. С. 126.
- ⁴³ **Алешковский М.Х.** Социальные основы формирования территории Новгорода IX-XV вв. // СА. 1974. № 3. С. 107.
- ⁴⁴ **Хорошкевич А.Л.** Герб // Герб и флаг России X-XX вв. М., 1997. С. 107.
- ⁴⁵ **Белецкий С.В.** Новгородские печати XIII-XV вв. с изображением Христа (к проблеме организации управления в Новгороде Великом) // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 330, 333.
- ⁴⁶ **Шумов И.Л.** Опыт типологического сравнения иконографии средневековых печатей городов немецкого права и Северо-Западной Руси // Гербовед. 2000. № 5 (43). С. 102-111.
- ⁴⁷ ГВНИП. № 6, 7, 9, 11.
- ⁴⁸ Там же. № 4.
- ⁴⁹ АП-2. С. 10, 39.
- ⁵⁰ ГВНИП. № 4.
- ⁵¹ АП-2. С. 88.
- ⁵² ГВНИП. № 29.
- ⁵³ **Клейнберг И.Э.** Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262-63 гг. (по данным отчета послов немецкого купечества 1292 г.) // ВИД. Вып. 7. Л., 1976. С. 124; Янин В.Л. Новгородские акты. С. 83-84.
- ⁵⁴ ПСРЛ-IV. С. 234.
- ⁵⁵ **Янин В.Л.** Новгородские посадники. С. 150-151; **Он же.** Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 83.
- ⁵⁶ **Choroszkiewicz A.L.** Zagadkowe okoliczności powstania kopii najdawniejszych umów Nowogrodu z Gotlandią i Niemcami z końca XII i z połowy XIII wieku // Balticum. Studia z dziejów polityki, gospodarki i kultury XII-XVII wieku. Toruń, 1992. S. 110-111.

- ⁵⁷ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 163-164.
- ⁵⁸ *Порфиридов Н.Г.* Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати Великого Новгорода // НИС. Вып. 8. Новгород, 1940. С. 20-21.
- ⁵⁹ *Белецкий С.В.* Новгородские печати XIII-XV вв. с изображением Христа (к проблеме организации управления в Новгороде Великом) // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 328.
- ⁶⁰ *Василевски Т.* Христос Панкратор на печатях и монетах Руси и его византийские и болгарские образцы // Византийский временник. Т. 52. М., 1991. С. 230.
- ⁶¹ *Каштанов С.М.* Позднесредневековый город и его документация (проблемы дипломатики) // Управление городами: история и современность. Материалы научной конференции. Тверь, 2001. С. 21.
- ⁶² НПЛ. С. 311.
- ⁶³ Там же. С. 307-308.
- ⁶⁴ Там же. С. 309.
- ⁶⁵ Там же. С. 313.
- ⁶⁶ ГВНиП. №1. С. 10.
- ⁶⁷ *Хорошев А.С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 124, 129.
- ⁶⁸ ГВНиП. № 34.
- ⁶⁹ Там же. № 36.
- ⁷⁰ Там же. № 39. С. 70.
- ⁷¹ Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. М., 1976. С. 23.
- ⁷² ГВНиП. № 6, 9-11.
- ⁷³ АП-2. С. 112-113.
- ⁷⁴ ГВНиП. № 34, 36.
- ⁷⁵ НПЛ. С. 327, 332, 337.
- ⁷⁶ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 170.
- ⁷⁷ НПЛ. С. 326, 327.
- ⁷⁸ *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. М., 1997. Т. 1.1. С. 419.
- ⁷⁹ ГВНиП. № 318. С. 307.
- ⁸⁰ ДДГ. № 8. С. 24-25.
- ⁸¹ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 417.
- ⁸² *Каштанов С.М.* Позднесредневековый город. С. 19.
- ⁸³ *Heim V.V.* L'araldica nella Chiesa cattolica. Origini, usi, legislazione. Vaticano, 2000. P. 32-33.
- ⁸⁴ *Щапов Я.Н.* Церковь в системе государственной власти древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 288.
- ⁸⁵ АП-2. С. 58.
- ⁸⁶ ГВНиП. № 39. С. 69.
- ⁸⁷ Там же. № 41. С. 73.
- ⁸⁸ НПЛ. С. 341.
- ⁸⁹ Там же. С. 352.
- ⁹⁰ Там же. С. 363.
- ⁹¹ ГВНиП. № 15, 17; *Янин В.Л.* Новгородские акты. С. 170.
- ⁹² АП-3. С. 104.
- ⁹³ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 231; *Хорошкевич А.Л.* Герб // Герб и флаг России X-XX вв. М., 1997. С. 107.
- ⁹⁴ НПЛ. С. 369.
- ⁹⁵ ПСРЛ-I. С. 534.

-
- ⁹⁶ ГВНИП. № 15. С. 30.
⁹⁷ НПЛ. С. 371.
⁹⁸ ГВНИП. № 16. С. 31.
⁹⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л. 1950. № 9. С. 25-26.
¹⁰⁰ НПЛ. С. 374.
¹⁰¹ ГВНИП. № 44, 18, 50.
¹⁰² Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 199.
¹⁰³ См. Шумов И.Л. Указ. соч.
¹⁰⁴ Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 3. Л. 6.
¹⁰⁵ АП-2. С. 126.
¹⁰⁶ Немецкий город XIV-XV вв. (Сб. материалов). М., 1936. С. 116.
¹⁰⁷ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 246.
¹⁰⁸ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 270; АП-2. С. 125.
¹⁰⁹ Янин В.Л. Новгородские акты. С. 102-104; 46.
¹¹⁰ ГВНИП. № 95, 101.
¹¹¹ Каштанов С.М. Позднесредневековый город. С. 22.
¹¹² ПСРЛ-XI. С. 185.
¹¹³ ПСРЛ-V. С. 252.
¹¹⁴ ПСРЛ-IV. С. 391.
¹¹⁵ Бернадский В.Н. Новгород и новгородская земля в XV в. М.-Л., 1961. С. 231.
¹¹⁶ НПЛ. С. 399-400.
¹¹⁷ Там же. С. 412.
¹¹⁸ ГВНИП. № 23.
¹¹⁹ Там же. № 27.
¹²⁰ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. Т. 1. М., 1948. С. 363.
¹²¹ АП-2. С. 131.
¹²² ГВНИП. № 53.
¹²³ АП-2. С. 130.
¹²⁴ Гайдуков П.Г. Новгородские полушки XVI-XVII вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 438.